

ПСИХОЛОГИЯ СУИЦИДАЛЬНОГО ТЕРРОРИЗМА В XXI ВЕКЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ И СОВРЕМЕННЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

© 2011 г. В. А. Соснин

*Кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник,
Учреждение Российской академии наук Институт психологии РАН, Москва*

Осуществлен анализ детерминант мотивации терроризма, включая суицидальный терроризм. Рассмотрена духовно-нравственная религиозная основа мотивации поведения и взаимодействия представителей христианских и исламских социокультурных обществ. Проанализирован конфликт западной (индивидуалистской) и восточной (традиционно-коллективистской) культурных парадигм как возможная причина развития суицидального терроризма в современной геополитической ситуации. Выделена психологическая специфика суицидального терроризма в современном мире и обозначены тенденции борьбы с ним в стратегической перспективе.

Ключевые слова: терроризм, суицидальный терроризм, социокультурная идентичность, конфликт, культурный архетип, культурный диалог, противодействие.

В период 1980–1990-х гг. международный терроризм, или глобальный джихад, подготовил и провел много кровавых атак, используя тактику суицидального терроризма (СТ). Кульминацией стала террористическая атака на США 11 сентября 2001 г. С этого времени были осуществлены тысячи подобных атак по всему миру [32, с. 12].

После падения Берлинской стены особую актуальность приобрели два противоречивых взгляда на развитие цивилизации. Это идеи Ф. Фукуямы, изложенные в работе “Конец истории...” [33], и С. Харрингтона – “Столкновение цивилизаций...” [37]. Несмотря на то что давать оценки их идеям пока не время (это дело историков), многие специалисты приходят к выводу – рост новых форм противостояния в мире (ведения войн, т.е. терроризма) означает: история не закончилась в 1989 г., а, скорее, привела современную цивилизацию к столкновению культур.

После окончания “холодной войны” появились новые конфликты малой интенсивности и асимметричная ее форма (терроризм, особенно СТ). С возникновением оружия массового поражения появилась непосредственная угроза глобальному миру и безопасности цивилизации. В действительности терроризм, включая СТ, начался не с падения Берлинской стены. Чтобы понять это явление и найти способы противостояния ему, необходимо в первую очередь определить сам феномен СТ.

Основная цель статьи – анализ проблемы СТ в контексте столкновения христианской и мусульманской парадигм мировоззрения на устройство будущего мира.

Задача данной работы – показать, что проблема СТ является составляющей проблемы терроризма в целом и ее нельзя выделять в особую область исследований.

ОБОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ

Исследование, проведенное в военных структурах США в 1988 г., показало, что существует 109 официальных определений терроризма, используемых федеральным правительством США [65, с. 5–6]. Авторы исследования выявили, что во всех определениях существует комбинация из 22 критериев, приписываемых терроризму. Через 10 лет известный исследователь проблемы В. Лакуер обнаружил около сотни определений терроризма [44, с. 6]. В отечественной литературе проблеме концептуальной дефиниции терроризма также уделялось внимание (см., например, [6]).

Основное расхождение в определениях возникает из-за включенности в них категории “некомбатантов” (граждан, которые не принимают активное участие в ситуации вооруженного конфликта) как целей террористических атак. Проблема состоит в том, что само понятие размыто и вызывает противоречия между субъектами

международных отношений (см., например, [71]). Другое расхождение заключается в определении мотиваций совершения террористических атак или использовании принципа “террорист – для одного человека, а для другого – он борец за независимость” (см. [54]). Этот двойной стандарт в определении терроризма – уже не просто клише, а наиболее трудное препятствие в борьбе с терроризмом.

Представляется оправданным в настоящей работе использовать следующее операциональное определение терроризма и суицидального терроризма¹.

Терроризм – это заранее спланированная атака или угроза атаки на мирных граждан или гражданские объекты для достижения политических, идеологических и/или религиозных целей. Примерами, которые не ограничиваются этим списком, являются взрывы среди гражданского населения и/или гражданских объектов, взрывы в транспортных средствах перемещения граждан, включая захваченные объекты и транспортные средства.

Суицидальный терроризм – это политически, религиозно и/или идеологически мотивированная атака, осуществляемая одним или несколькими индивидами, которые сознательно отказываются от своей жизни ради нанесения максимального ущерба гражданам и/или гражданским объектам.

В число объектов (“мишеней”) террористических атак необходимо включать как военные, так и политические структуры государств, о чем свидетельствует объективная историческая логика функционирования данного феномена.

В связи с этим возникает вопрос: почему СТ требует особого рассмотрения и анализа?

Американский профессор А. Абадине высказал сомнения в том, что терроризм проистекает от бедности, как считают многие. Результаты его исследования подтверждают, что между терроризмом и бедностью почти нет никакой связи [11]. Объяснение причин появления СТ, в отличие от распространенных представлений, – это культурные противоречия. В основе этого объяснения лежит главным образом религиозная, национальная, политическая или идеологическая мотивация. СТ

как идеологическое, организационное и психологическое явление изучал ряд исследователей (см. [19, 20, 30, 47, 52, 53, 63, 68, 73]).

По мнению многих исследователей, СТ является предпочитаемой формой терроризма, потому что ОН РАБОТАЕТ. Поэтому главный вывод из анализа состоит в том, что террорист-самоубийца мотивирован рациональными соображениями и его нельзя рассматривать исключительно как неадекватную личность.

В работе “*Терроризм с точки зрения террористов*” социальный психолог и специалист по психологии терроризма с мировым именем Ф. Мохаддам [54] анализирует проблему оснований и причин возникновения терроризма как геополитического феномена, в том числе проблему террористов-смертников, с позиций социокультурного подхода. В основу анализа автором положена концепция кризиса социокультурной идентичности² в исламских сообществах в условиях глобализации. Используя метафору “лестницы терроризма”, он анализирует поэтапный процесс, который приводит людей к идентификации с террористами, и предлагает ответ на вопросы: почему индивиды вовлекаются в террористические организации? Каковы психологические процессы, которые заставляют их совершать террористические акты?

Схематично метафора “лестницы терроризма” включает трансформацию идентичности личности в исламском мире – от одного уровня осознания себя в обществе (и окружающем мире) к другим, способствующим в конечном итоге принять идентификацию террориста. Эти уровни (как ступеньки лестницы) Мохаддам обозначает следующим образом:

– *Базовый уровень*: социально-экономические и политические условия жизни формируют возрастающую неудовлетворенность для рядового члена мусульманского общества (особенно для молодых) в своей индивидуальной идентичности и реализации собственных жизненных целей (отсутствие социальной мобильности и жизненных перспектив), как следствие – поиск новой идентичности.

– *Первый уровень*: вопрошание – как вести борьбу с этой несправедливой системой? Поиск рационального объяснения – кто виноват? И как защитный механизм – поиск внешнего врага

¹ Определения заимствованы из работ израильских исследователей этой проблемы и представителей израильских спецслужб, поскольку в международном сообществе борьба с терроризмом в Израиле признается наиболее эффективной и является примером для других государств [33, с. 6–8].

² То есть представления о том, с каким типом общества индивид себя ассоциирует (членом какой социокультурной и религиозной группы являюсь), а также – по какому типу личности он оценивает себя в этом обществе.

(процесс, который хорошо известен в социальной психологии и грамотно управляется властями).

– *Второй уровень*: нахождение внешнего врага (“американцы, западный мир, вообще христианская культура, которая виновата во всем”) как замещение агрессии, управляемой властями и религиозными экстремистами и фундаменталистами.

– *Третий уровень*: “что делать?” – цель оправдывает средства, принятие мотивации террориста, формирование террористических групп и их идеологии.

Мифы террористов имеют внутреннюю логику. Они концентрируются вокруг ряда идей о функциях, которые, по их мнению, выполняют акты террора. Основными функциями являются:

- показать, что власти слабы и уязвимы для террористических атак;
- доказать, что власти не способны контролировать события;
- снизить лояльность и верность властным институтам;
- показать ущербность моральной системы, кардинально отличной от собственной, и создать атмосферу беспомощности среди населения;
- создать впечатление о террористических организациях как очень мощных и могучих, как силе, с которой можно иметь дело;
- создать впечатление, что террористические акты будут продолжаться до тех пор, пока не наступит “окончательная победа”;
- поддержать иллюзию о том, что жертвы террористических актов “умерли ради благородной цели”.

– *Четвертый уровень*: реализация мотивации – “именно мы должны выступить против безбожного христианского мира” – и формирование специфических функций террористов, включая террористов-смертников.

Теперь они рассматривают себя как людей, причастных к общему делу с конкретной ролью, как часть террористической группы. Они живут в мире, жестко разделенном на “мы” и “они”, на “добро” и “зло”. Частью идентичности террориста становятся скрытность и разрушение (секретность и разрушительность).

– *Пятый уровень*: выполнение актов террористических атак – “наши героические усилия улучшат этот несправедливый мир по истинным канонам ислама”, цель оправдывает средства, включая СТ.

По мнению Мохаддама, многие люди в исламском мире становятся террористами в силу того, что традиционные общества позволяют им удовлетворить потребность в индивидуальной идентичности только путем вступления в такие автономные исламские организации, как террористические группы. Неспособность и невозможность индивида реализовать свои права и развить свои личностные качества в рамках традиционной социокультурной идентичности порождают у молодого поколения мусульманских стран отчаяние и недовольство, стремление найти новую идентичность (в том числе в ряду террористов). Основываясь на своем многолетнем опыте социального психолога и обширной практике реального знания исламского мира, Мохаддам убедительно показывает, как терроризм в целом и СТ в частности возникают из социальных, культурных условий жизни и перспектив развития исламских сообществ в современном мире.

Признавая наличие внутренних проблем развития у стран исламского мира в связи с глобализационными тенденциями, Мохаддам предлагает вести борьбу с кризисом социокультурной идентичности в исламских сообществах посредством изменения социокультурных основ их жизни, которые питают и поддерживают терроризм. Тем самым он доказывает и утверждает перспективу долговременной и невоенной стратегии борьбы с терроризмом в современном мире.

Эффективность СТ основана на том, что субъект СТ способен выбирать время и место совершения атаки, не думая о спасении своей жизни. Это позволяет ему нанести максимальный ущерб невинным жертвам и максимально подтвердить эффективность СТ атак. Такие действия производят эффект неспособности государственных структур противостоять этой форме терроризма и подталкивают правительства к изменению своей политики.

Проблеме мотивации террористов-смертников посвящены многие работы отечественных психологов (см., например, [1, 3–7, 10]). Террористы-самоубийцы зачастую мотивированы “религиозным оптимизмом”, основанным на расхождении с представлениями других религиозных конфессий в поиске *новой, более позитивной идентичности*. Ряд мотивов террористов-смертников можно суммировать следующим образом: религиозные побуждения, самооценка (социорелигиозная идентификация), этнонациональный патриотизм. В настоящее время угроза СТ стала реальным кошмаром для многих стран и цивилизационных

мировоззрений, а также для политических руководителей государств.

Анализ психологической и духовно-религиозной мотивации СТ представляется актуальным и оправданным в контексте современных геополитических тенденций развития цивилизации и возможных путей противодействия этому социополитическому и социорелигиозному геополитическому феномену. Возникает экзистенциальный вопрос: какие мотивационные тенденции людей, принадлежащих к разным этнорелигиозным цивилизационным основаниям, толкают их к террористической деятельности, в том числе к суицидальному терроризму?

ИДЕЙНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ (ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ) ОСНОВАНИЯ СТ

Чтобы понять мотивацию террориста-самоубийцы, необходимо понять его мировоззренческие взгляды, отношение к членам своей этнокультурной и религиозной группе, а также к членам других этнорелигиозных групп, к жизни и смерти в рамках своей этнорелигиозной ориентации.

Все культуры имеют собственные теории поведения (в том числе имплицитные) и представления о связях между поведением и картиной мира, в котором они живут. Эта картина мира (сконструированный мир) одновременно формируется и поддерживается в процессе социализации, который объединяет людей во взаимосвязанных институциональных образованиях (сообществах, организациях, учреждениях), включающих семью, школу, а также различные политико-экономические и религиозные образования. В конечном счете, именно через модификации в этой институциональной матрице человеческая психика может изменяться и структурироваться в направлении более широких (менее этноцентричных) взглядов на окружающий мир.

Тенденции глобализации цивилизационного развития дают основания рассматривать проблему международного терроризма, прежде всего, в контексте развития взаимоотношений исламской и христианской цивилизаций – их геополитической динамики, анализа причин исламского религиозного возрождения, роста исламского фундаментализма и воинственности. Основные причины роста международной напряженности – борьба за доминирование в современном мире (за ресурсы, власть и выживание), столкновение

двух цивилизационных парадигм существования, западной и восточной, христианской (особенно католической и протестантской) и исламской – становятся важнейшим компонентом современного мирового развития и основаниями для понимания международного терроризма³.

Одной из главных составляющих в принципиальном разрешении проблемы международного терроризма в современном мире становится *проблема взаимного понимания* – сложный и противоречивый процесс постижения друг друга, никогда не прекращавшийся между двумя культурами, что необходимо для реализации межкультурного диалога и выработки новой парадигмы существования⁴.

Понимание фундаментализма и возрождения религиозной воинственности ислама: современная геополитическая ситуация. Атака на США 11 сентября 2001 г. стала актом терроризма и необъявленной войной негосударственных национальных субъектов, разбросанных на территории ряда стран. Всех их объединяли общая установка, общее восприятие и психологическое переживание геополитической ситуации: "...чувство гнева, ненависти и негодования по отношению к Соединенным Штатам, поскольку они воспринимали Соединенные Штаты как агрессивно-гегемонистскую военную, политическую, экономическую и культурную державу с долгой историей несправедливого отношения и нанесения вреда исламу и исламскому миру" [46, с. 29].

Легко понять ярость традиционного мусульманина, оказавшегося лицом к лицу с западным миром. Воспитанный в религиозной культуре, где правота изначально отождествлялась со строгой иерархией, он видел, что господство в мире перешло к Западу, господство в его стране – к иноземным гостям, а господство в собственном доме – к эмансипированным женщинам и непокорным детям. Воспитанный в сложной системе иерархических социальных связей и обязанностей, он видел, как эти связи, определяемые верой и родством, обзывают сектантством, устаревшими традициями и пренебрегают религиозными обязанностями в угоду материальному накоплению.

³ Несомненно, существует также проблема "китайского геополитического синдрома" – проблема становления Китая как третьего центра мирового влияния, но это не цель настоящей статьи, и мы оставляем ее в стороне.

⁴ В современном христианском мире (как в католическом и протестантском, так и в православном) существует ряд широко распространенных ошибочных представлений и концепций в отношении ислама и исламской культуры, истории, традиций и форм жизни (подробнее см. [6, гл. 4]).

В 2001 г. президент Буш объявил “модернизацию” исламского мира (в соответствии со шкалой ценностей западной цивилизации) одной из стратегических целей США. Большинство политических, экономических и религиозных элит стран исламского мира отдают себе отчет в том, что в этой глобальной конкуренции один из главных ударов будет наноситься по исламу как главной цементирующей духовной основе. Поэтому цивилизационная экспансия западного мира во главе с США для многих стран, не входящих в “золотой миллиард” (особенно стран исламского мира), с точки зрения восприятия ими ситуации в мире, оценивается как *аналог цивилизационного терроризма*. Таким образом, притязание группы государств на доминирование в мировом сообществе становится психологической почвой для возникновения ненависти и мести, особенно при соответствующей идеологической и религиозно-фанатической направленности, а так называемый исламский терроризм – одна из форм проявления этих чувств. Специфика ситуации на современном этапе развития цивилизации состоит в том, что большинство стран не способно вести военные действия традиционными способами. Но многие страны арабского мира обладают большим экономическим потенциалом, и эта ситуация объективно настраивает их лидеров на асимметричный ответ вызовам западной цивилизации. Международный терроризм – один из таких экстремальных ответов. В целом, современный мусульманский радикализм является своеобразным ответом мусульманского мира на экспансию секуляризированной западной цивилизации, а именно – ее отторжение и неприятие новой масштабной миграции мусульман в Европу, Америку, другие страны с христианской социокультурной основой [2, с. 69].

Во всем мире раздаются голоса против США и их символов. Многие люди рассматривают США как мировую державу, безразличную к страданиям остального мира, оказывающую сильное политическое давление на слабые сообщества. Эта страна зачастую воспринимается как нечувствительная к культурному многообразию и не признающая важности социокультурной идентичности других сообществ. Массовое технологически коммерческое общество, возникающее из американской (шире – западной) культуры и проникающее в остальные части мира, предстает ощутимой угрозой традиционной идентичности и способам жизни (см. [46, с. 30], а также [51]).

Западная массовая культура “благоволит” ценностям индивидуализма, материализма и

конкуренции, тогда как незападные культуры поддерживают дух коллективизма, религиозной духовности, стабильности и совместного владения и управления ресурсами. Поэтому угроза идентичности становится решающей частью “уравнения насилия”: “Культурная идентичность является той ретортой, в которой человеческое выживание и целеполагание сливаются воедино, давая смысл человеческому существованию, жизненным целям и групповой сплоченности” (см. [46, с. 31], а также [27, 64, 77]).

В этом контексте восприятие суждения становится искаженным, а невинные граждане других государств выступают как сознательные проводники западной культурной деструкции. Этот процесс усиливается речами лидеров исламских террористов о западном (прежде всего – американском) лицемерии. Они утверждают, что США призывают к добродетели, а фактически являются эгоистичной, этноцентричной и даже сатанинской державой [21]. Подобная ненависть интенсифицируется процессами демонизации отдельных индивидов и культур по обе стороны противостояния. Так, метакоммуникационный анализ публичных посланий и высказываний О. Бен-Ладена против США, проведенный А. Марселлой [46, с. 40], выявил следующие позиции:

- Бог на нашей стороне.
- Наше дело (мусульман) правое.
- Нас, мусульман, слишком долго оскорбляли, обижали и унижали. Вы должны убрать свои войска с наших священных земель и прекратить свои многочисленные войны против наших людей (Ирака, Чечни, Палестины).
- Мы (Аль-Каида и другие воинствующие террористические группы) выражаем интересы бедных и угнетаемых во всем мире людей.
- Сейчас для вас (Соединенных Штатов) настало время страдать так же, как и мы долго страдали.
- Культура, которую вы создали и насильно навязываете остальному миру, прямо противоположна исламскому образу жизни из-за своего материализма и лицемерного поведения, злоупотреблений властью имущих и привилегированных членов ваших обществ.
- История сама сказала свое слово (президент Буш признал, что, начиная с крестовых походов XI в., в истории продолжается борьба с нами – мы победили в прошлом и победим снова).

Тот факт, что США проводят политику протекционизма у себя и за границей за счет обнищания развивающихся стран, также сформировал чувство глубокого негодования у людей, лишенных необходимых условий нормальной жизни (см. [55, с. А19], а также [78, 79]).

США зачастую воспринимаются другими странами как держава, пытающаяся единолично править миром. Они проводят международную политику фактически без консультаций или координации с лидерами других стран, что особенно проявляется в действиях по отношению к Ближнему Востоку, которые были и продолжают оставаться непоследовательными. Такая политика либо отрицает явные факты, либо игнорирует их и остается безразличной к воле народов данного региона. Мусульмане особенно раздражены действиями американского правительства из-за его безоговорочной поддержки Израиля: "...Соединенные Штаты дают карт-бланш Израилю и одобряют его политику и действия безотнositельно их оценки, оскорбляют и вызывают раздражение у многих лидеров социополитических групп в арабском и исламском мире" [75, с. А10].

Кроме того, постоянная игра США "военными мускулами", угроза использования военной силы и односторонняя международная политика являются основными причинами гнева. Такое поведение воспринимается как заносчиво-высокомерное и эгоистическое [55]. США заявляют свое "...право нападать и наносить упреждающий удар любому государству, если они решат, что оно разрабатывает оружие массового поражения или оказывает поддержку терроризму. Это фактически – карт-бланш на ведение войны в остальном мире" (см. [70, с. 12], а также [14]).

Радикальные исламские группы убеждены, что мусульманская земля священна и не должна загрязняться немусульманским присутствием, особенно – иностранных войск, которые ассоциируются в коллективной памяти с крестовыми походами европейцев. США, по всей видимости, являются в этом отношении "магнитом" для терроризма. Абу-Хашем, признанный специалист по этой проблематике, утверждает: «Соединенные Штаты крайне нуждаются в культурном просвещении, особенно в сфере глобального осознания и чувствительности. Пребывание мощной державой мира и "номером один" во многих областях жизни не означает автоматического перехода в состояние зрелой, внимательной или даже адекватной державы в культурном отношении» [13, с. 83].

Многие исследователи рассматривают исламский фундаментализм как современный продукт столкновения традиционных ценностей и идеологий с ценностями капитализма. Исламские фундаменталисты отрицают секуляризацию и рассматривают ее как разрушительное влияние западной христианской традиции [24]. Ряд исламистов воспринимают секуляризм как источник коррупции, диктатуры и серьезного нарушения гражданских прав и свобод [72, 73]. Фундаментализм обычно ассоциируется с религией. Его различные проявления зависят от важных социальных, политических, технологических и интеллектуальных аспектов переходного периода [17]. В СМИ часто остро обсуждаются темы, связанные с исламской воинственностью. Но фактически религиозную воинственность можно обнаружить во многих других вероисповеданиях [49, с. А17]. Этот феномен исторически был неотъемлемой частью конфликтов и войн. Некоторые исследователи признают, исходя из духовно-религиозной мировоззренческой доктрины ислама, что исламский фундаментализм имеет тенденцию переводить социополитические концепции в религиозно-идеологические, и наоборот. Конкретные теологические положения ислама могут переходить в политические требования и предписания в ситуации непосредственного воинственного действия (см. [18, 31, 41, 56], а также [69, с. 4]).

В арабском языке слово "фундаментализм" является синонимом слова "сверхконсервативный", или "индивид, придерживающийся оснований своей веры, ее основных принципов". Он может видоизменяться и проявляться в пассивных и мирных или агрессивных и воинственных формах.

Необходимо отметить, что многие исследователи рассматривают ислам как универсальную религию и защищают его от обвинений в том, что это якобы насильственная религия, нетерпимая к другим религиозным конфессиям, нарушающая гражданские права, несовместимая с демократией и ненавидящая Запад [12, 14, 25, 28, 29, 36, 38–40, 42].

Ислам как мировая религия и цивилизация, с точки зрения исламских фундаменталистов и воинствующих экстремистов, никогда не отказывался от стремления возратить доминирующее положение в мире и свое могущество над христианским миром. С одной стороны, эти амбиции были подавлены вплоть до появления движения глобального джихада (как борьбы с неверными), начиная с образования организации "Братья мусульмане" в 1928 г. [76]. С другой стороны, воинствующие мусульмане в регионе Ближнего Вос-

тока и во всем мире демонстрируют “вторжение” в христианские страны как основание будущей священной войны с неверными (христианами) – джихада.

Исторический опыт однозначно свидетельствует о том, что представители всех религиозных конфессий, кроме ислама, если и прибегают к терроризму, то используют эту тактику противоборства не на основании религиозных догм (т.е. не для организации мироустройства по канонам своей религии), а в борьбе за свою национальную независимость (т.е. на основе этнической, а не религиозной мотивации). Историческими примерами в этом плане являются и иудеи-зилоты (приверженцы иудейской веры) в борьбе против владычества римлян за свою независимость, и японские камикадзе во время Второй мировой войны, и “Тигры освобождения” на Шри-Ланке, и русские люди во время отечественных войн.

Следует отчетливо понимать, что ислам – не просто религия (как теологический феномен), а в равной мере явление социополитическое. Некоторые исследователи утверждают, что ислам – это и политическая идеология (см., например, [45]). В целом, можно говорить о том, что существует две его базовые формы: социокультурная и политико-идеологическая. Очевидно, что исламу присущи элементы, которые можно применять как к явлениям социальной жизни, так и к политической системе.

Понимание именно этих фундаментальных религиозно-духовных различий в мировоззрении и политической практике двух ведущих парадигм существования и современные тенденции мирового цивилизационного развития ставят анализ проблемы международного терроризма в более широкие рамки социокультурного контекста. А это, в свою очередь, выдвигает на первое место вопросы взаимного понимания, необходимости содержательного межкультурного диалога и объективной вероятности смены парадигмы однополярного (в широком смысле) существования.

Рассмотренные духовно-религиозные основания мотивации поведения представителей мусульманской Уммы в современном мире дают возможность прийти к пониманию мотивации поведения террористов-смертников.

Психология мотивации террористов-смертников. *Терроризм с использованием смертников направлен на причинение максимального ущерба враждебному окружению в целях устрашения, сопровождающегося сознательным отказом*

*исполнителя от спасения своей жизни*⁵. Суицидальный терроризм можно считать относительно новым явлением. Смертников используют не только радикальные исламские группировки, такие как Хамас, Аль-Каида и Хесболла, но и далекие от религиозной идеологии террористические формирования (т.е. светские идеологические террористические течения).

Обзор эмпирических исследований личности террористов как потенциальных террористов-самоубийц выходит за рамки настоящей статьи⁶. Вместе с тем представляется оправданным для последующего сравнения и анализа кратко привести результаты ряда исследований.

Прежде всего, сравнительные исследования личности террористов не обнаружили особой личностной психопатологии. Анализ воспоминаний бывших террористов, судебных материалов осужденных террористов и редкие интервью с ними позволяют предполагать, что людей с особыми личностными чертами “диспропорционально мало в карьерах изученных террористов” [62, с. 27].

Особенно поразительно, что бывшие террористы в своих воспоминаниях опираются на психологические механизмы “экстернализации” (объясняют свое поведение как зависящее от внешних обстоятельств) и “психологического расщепления”, т.е. одновременного существования противоречивых, несовместимых обоснований собственного поведения: что хорошее, то мое, что плохое – не мое [43]. Индивиды с травмированной Я-концепцией не могут полностью интегрировать “хорошие” и “плохие” характеристики своего Я. Индивиды, которые в основном опираются на механизмы “расщепления” и “экстернализации”, стремятся искать источник собственных жизненных трудностей не в себе самом, а во внешнем мире. Они нуждаются в наличии внешнего врага, которого можно обвинить в превратностях и неудачах своей личной жизни. Этот доминирующий механизм исследователи называют механизмом “деструктивного харизматика” (см. [58], а также [59, с. 211–224]).

Исследователи мотивации терроризма признают, что, по-видимому, наиболее строгое изучение социального происхождения и психологии террористов, опирающееся на имеющуюся эмпириче-

⁵ В данном разделе статьи частично использованы материалы совместной монографии В. Соснина и Т. Нестика [6, с. 125–130], где соответствующий раздел подготовлен Т. Нестиком.

⁶ Заинтересованный читатель может обратиться к работе [6, гл. 5, 6].

скую базу, проведено “консорциумом” социальных ученых Западной Германии при спонсорстве Министерства внутренних дел страны [17] (это были светские террористические организации).

Выявлены две группы личностных характеристик, присущих исследованной выборке:

– экстремальная зависимость от террористической группы, экстраверсия как личностная характеристика (в том числе – паразитический образ жизни и стремление к “взбадриванию” своей жизненной активности);

– враждебность, подозрительность, агрессивность и защитно-агрессивное поведение как доминирующий стиль взаимодействия с другими людьми.

Например, Дж. Пост, проанализировавший социально-психологические процессы, посредством которых индивиды идентифицируют себя с террористической группой как средством разрешения своих внутриличностных конфликтов, считает, что это является достаточно общей тенденцией в террористических группах, по крайней мере, светского идеологического спектра [60, 61].

Подобные сравнительные данные недоступны для членов террористических групп религиозной ориентации. Однако их можно в определенном смысле использовать для качественного анализа личностных особенностей террористов-самоубийц. Данные свидетельствуют о том, что многие террористы оказывались неудачниками в своей личной, образовательной и профессиональной жизни. Комбинация переживания личностной неадекватности и опора на психологические механизмы экстернализации и расщепления приводят их к поиску особенно привлекательной группы людей, мыслящих так же, как они, и признающих жизненное кредо: “Это не мы – это они; они – причина наших проблем” [62].

Имеющиеся эмпирические данные изучения личностных особенностей и мотивации террористов позволяют предполагать, что принадлежность к террористическим группам и изоляция от общества в целом подкрепляют идеологию террористов и усиливают их мотивацию к продолжению террористической деятельности.

Существует мнение, что террорист-смертник является патологической личностью. Однако большинство терактов четко спланировано по времени, направлено на тщательно отобранные мишени и преследует конкретные политические и территориальные цели. Сами террористы-смерт-

ники, даже чудом избежав гибели, чаще всего не отказываются от выбранного ими пути.

Ранее считалось, что смертниками становятся в основном представители беднейших слоев общества, лишенные образования, и безработные. Однако, как показывает анализ документа “Святые мученики Двуречья”, включающего 430 биографий смертников Аль-Каиды, среди них немало высокообразованных людей, имевших хорошо оплачиваемую работу (последний пример – теракт в московском метро). Можно выделить несколько причин роста числа терактов, совершенных смертниками, начиная с 1990-х гг. до настоящего времени.

Во-первых, подобные теракты часто оказывались чрезвычайно эффективным инструментом оказания давления на противника.

Во-вторых, преимуществом использования смертников является возможность нанести больший урон в силу того, что исполнитель теракта не рассчитывает остаться живым и не ищет путей отхода.

В-третьих, подобные теракты оказывают большее психологическое воздействие на общество. Следовательно, гражданское население и политические противники убеждаются в том, что число терактов будет расти и единственный выход – пойти на уступки террористам.

В-четвертых, суицидальный терроризм опирается на героический образ “мученика”, поддерживаемый религиозной или светской идеологией (так, летом 2001 г. более 70% опрошенных палестинцев одобрили действия террористов-смертников).

Важно также отметить, что в исламских государствах семьи погибших террористов-смертников получают материальную помощь от террористических организаций и сочувствующих им лиц. Террористические группы культивируют героические мифы о самопожертвовании и поддерживают различные обряды перехода их членов в число смертников. Вместе с тем нельзя признать безусловно правильным мнение о том, что смертников-мусульман привлекает сам статус святых мучеников и небесная награда за дело ислама. Оно не объясняет, почему жизнь самого террориста и потенциальных жертв-мусульман теряет для него ценность. Нет единственного объяснения и тому, почему среди террористов-смертников появляется все больше женщин. По-видимому, психологические корни суицидального терроризма лежат глубже – в поиске террористами-самоубийцами *новой, более позитивной идентичности*.

Одним из следствий изоляции групп террористов от представляемого ими культурного сообщества является убеждение в том, что нынешний мир нелегитимен и не имеет никакой ценности, причем как общество в целом, так и живущие в нем люди. Террористы убеждены, что существующий порядок обречен и ему на смену придет совершенно другое общество, ради которого необходимы радикальные изменения. На личностном уровне происходит обесценивание и своей, и чужой жизни: цель оправдывает средства, необходимые для разрушения мира во имя его спасения.

Обесценивание жизни, облегчающее совершение суицидального теракта, может быть вызвано не только радикальной идеологией, но и стремлением избавиться от негативной идентичности: от одиночества безродного человека, физически или морально потерявшего всех близких, от клейма позора, от унижения своей этнической группы.

Наиболее яркий пример стремления избавиться от негативной идентичности представляют те женщины-смертницы, которых обесчестили эмиссары террористических организаций, закрыв им путь возвращения в общество. Возможность совершить теракт преподносится их организаторами как единственная возможность спасти свою честь, перейти в статус «святой мученицы».

Другая распространенная причина подобного суицида связана с потерей мужа, детей, близких родственников, утратой социальных связей, моральной поддержки. Состояние глубокой психологической травмы и невозможность регулярно контактировать с окружающим миром делают личность более уязвимой для идеологии «мученичества».

Негативная идентичность потенциальных террористов-смертников может быть связана с чувством унижения своей этнической группы (сообщества) и следствием массового посттравматического синдрома. По существу, террористы-смертники являются «психологически мертвыми», считают себя находящимися уже по ту сторону мирских понятий добра и зла [54].

Наконец, террористами-смертниками могут стать молодые люди из сплоченных экстремистских политических групп. В таких случаях речь идет не об избавлении от негативной идентичности, а о подтверждении своей позитивной идентичности «строителей будущего». Так, исследование 900 молодых мусульман сектора Газы, которые были подростками во время второй палестинской интифады (с 1987 по 1993 г.), показало,

что ориентация на насилие более тесно связана с чувством гордости за свою социальную группу и высокой включенностью в ее социальную жизнь. При наличии высокой сплоченности и социальных норм, одобряющих совершение терактов как способов борьбы, усиливается эффект механизмов подражания (например, брату-смертнику) и конформности (следование указаниям религиозных или партийных авторитетов). Для вербовки женщин-смертниц используется насилие, учитываются их безграмотность и примитивные религиозные представления о правильности ваххабитских положений ислама.

Главные усилия в этой ситуации должны быть направлены не столько на выявление потенциальных террористов-смертников (эта работа считается необходимой и основной для спецслужб), сколько на масштабные социальные программы, меняющие отношение к терроризму в посттоталитарных и поствоенных обществах. Низкостатусные политические группы должны получить доступ к открытому обсуждению наиболее острых социальных проблем, в том числе касающихся проблем культурных различий, последствий войны и безработицы.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СУИЦИДАЛЬНОГО ТЕРРОРИЗМА: ТЕНДЕНЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ В XXI в.

Краткий обзор современной динамики СТ. В современной геополитической ситуации угроза СТ стала повседневной для рядовых граждан и политиков многих стран. Различные регионы мира, подверженные СТ, включают Индию, Турцию, Великобританию, Индонезию, Пакистан, Афганистан, Ирак, Израиль, Россию (главным образом регион Кавказа) и США. Аль-Каида – катализатор этих атак [35, 74].

В настоящее время, когда террористические организации являются сетевыми (децентрализованными в Интернете), «...основное и главное правило в понимании СТ и противодействия ему – это достигнуть международного консенсуса в определении потребности противодействия СТ» [67, с. 66].

Аль-Каида – террористическая организация, основанная О. Бен-Ладеном под патронажем ЦРУ в 1988 г. для противодействия вторжению советских войск в Афганистан. Она была ответственна за ряд СТ актов (в Танзании и Кении (1988), Африке (2000)) и последующих актов СТ по всему миру, особенно в Ираке после военной агрессии США.

Индия. Со времени получения независимости в 1947 г. страна столкнулась с терроризмом. Она противодействовала террористическим группам, выступающим за отделение региона Кашмира от страны. Был совершен ряд террористических актов, включая СТ.

Шри-Ланка была и остается погруженной в этнорелигиозный конфликт. Основная террористическая организация в стране – “Тамильские тигры” (английская аббревиатура – *LТТК*), или “Тигры освобождения”. Эта террористическая организация опирается на представления об освобождении от гнета индуистских традиций своей этнорелигиозной группы и борьбы за независимость. С 1987 г. они осуществили около 200 СТ атак.

Западная Европа – один из главных объектов (наряду с США) атак мусульманских террористических организаций, включая СТ.

США – основной объект атак мусульманских террористических организаций, включая СТ. В экстремистских мусульманских организациях эта страна считается главным врагом мусульманского мира (“главный сатана”).

Вот что говорит своим сторонникам О. Бен-Ладен: *“Право убивать американцев – гражданское население или военнослужащих – это личная обязанность каждого мусульманина, способного это делать в любой стране, где это возможно делать. Мы с Божьей помощью призываем каждого мусульманина, верующего в Аллаха и стремящегося получить вознаграждение во исполнение Божьего миропорядка, убивать американцев и грабить их деньги там, где это возможно”* (цит. по: [8, с. 43–50]).

Россия. Террористическая активность в стране, включая СТ, резко возросла в связи с распадом СССР и ростом этнорелигиозных тенденций в национальных субъектах бывшего Советского Союза.

Анализ международной практики суицидального терроризма для перспектив противодействия. Проблема современного СТ начала обсуждаться в международном сообществе не только после совершения теракта 11 сентября 2001 г. Для англичан такой датой является 7 июля 2005 г., когда четыре террориста-самоубийцы блокировали лондонскую транспортную систему. Индонезия (г. Бали) пережила подобный кровавый эффект от масштабного суицидального акта в октябре 2005 г., Египет – в апреле и июле 2005 г. Кения, Танзания, Марокко, Саудовская Аравия, Пакистан, Россия, Ирак, Испания, Турция,

Израиль и Тунис также заняли место в этом скорбном списке, став жертвами СТ атак, подготовленных и осуществленных Аль-Каидой, родственными ей группами или локальными (сетевыми) террористическими организациями.

В целом, спустя 25 лет после одной из первых атак – террористического суицидального акта, совершенного Хесболлой против Американского посольства в Ливане в 1983 г., – СТ стал современным международным явлением, характеризующим процесс глобализации⁷. Кратко суммируем операциональные уроки, которые сделаны исследователями в ходе анализа международной практики СТ для перспектив противодействия этой форме терроризма (см. [22, 34, 50, 66], а также [57, с. 139] и [69, с. 99]):

- прежде всего, контртеррористические действия могут быть наиболее эффективными, когда осуществляются всем мировым сообществом, а не отдельными структурами безопасности государств;
- контроль над регионами мира, считающимися цитаделью и оплотом террористов, может способствовать эффективной работе спецслужб в борьбе с СТ;
- контртеррористическая деятельность должна быть постоянной и согласованной, чтобы исключить возможности террористическим организациям перегруппировываться, рекрутировать новых членов и перевооружаться для своей активности;
- борьба с СТ будет эффективнее, если контртеррористические реакции международного сообщества будут пропорциональными (адекватными, а не непропорциональными) самим террористическим актам;
- завоевание умов и сознания этнорелигиозных контингентов населения стран, которые являются потенциальным “резервуаром” вербовки террористов-смертников, аналогично разрушению военного потенциала противника (другими словами – необходимо проведение тщательно продуманной идейно-воспитательной политики в работе с этим контингентом). Террористическая группа (реальная или потенциальная) нуждается: а) в публичной поддержке своих идей и деятельности, б) в способности осуществлять вооруженным путем террористические атаки

⁷ Не будем останавливаться на обзоре приемов и методов СТ в международной практике, так как эта тема выходит за рамки настоящей статьи. См.: [32, гл. 4, 5].

и акты СТ. Поэтому контртеррористические стратегии должны учитывать последствия воздействий на сознание местного населения планируемых и реализуемых контртеррористических мероприятий и соответствующей политики;

- соблюдение международной юридической законности и уважение гражданских прав населения при проведении контртеррористических акций и осуществлении соответствующей политики также могут быть эффективными инструментами в долговременной перспективе борьбы с СТ;
- отчуждение гражданского населения региона страны, из которого исходит потенциальная террористическая угроза (т.е. отсутствие конструктивного диалога), может привести к более широкой поддержке этим населением террористических групп и оправданию СТ.

Более подробно остановимся на возможных направлениях контртеррористической борьбы с организацией Аль-Каида ввиду ее террористической активности по всему миру, включая Россию.

Вот что, например, отмечает Мохаддам о поражении СССР в Афганистане, анализируя террористическую активность организации Аль-Каида: «Участие в этом конфликте салафитов (т.е. организации Аль-Каида. – В.С.), поддерживаемых Саудовской Аравией, шиитов-экстремистов, поддерживаемых Ираном, скрытое вторжение в афганский кризис Америки и региональная политика Пакистана – все эти факторы оказались слишком взрывоопасными для Советов. И они не смогли с этим справиться. Однако эти деструктивные силы не “улетучились” с поражением Советов. Афганистан дал рост такому постепенному развитию событий, которые и привели к трагедии 11 Сентября!» [54, с. X].

Этот кровавый теракт вызвал немедленный военный жесткий ответ международного сообщества (прежде всего – США и западных союзников). Однако оно не выработало никакой консолидированной политики, направленной против данной террористической организации [33, с. 274]. После этой СТ атаки Буш объявил “войну с терроризмом”, не обозначив ее содержательных параметров и критериев: некоторые руководители Аль-Каиды были арестованы и убиты [16]. С тех пор эта организация считается одной из главных угроз США и западному мировому сообществу (см., например, [48]).

Аль-Каида как шиитская экстремистская организация, спонсируемая Ираном, может трансформироваться и, по мнению большинства экспертов, исчезнет в будущем. Аль-Каиде и ее структурам будет все труднее осуществлять свои террористические атаки, включая СТ, против западного мира и России. В успешном противостоянии экстремизму и терроризму ключевым является “фактор публичного осознания угрозы в массовом сознании населения”. По оценкам многих аналитиков, эта проблема в странах – потенциальных мишенях Аль-Каиды – чрезвычайно важна. Безусловно, значимыми являются действия спецслужб: эффективный сбор, распространение и оперативное использование информации – фактор наиболее сильного противодействия СТ.

Кратко проанализируем последствия террористической активности в стране и СТ, исходящего из Северного Кавказа на пороге третьего тысячелетия, и, учитывая оценки специалистов, обозначим возможные направления контртеррористической политики.

В ответ на акты СТ, исходившие главным образом из Чечни, федеральные структуры приняли ряд жестких мер против групповых образований чеченских террористов. Основная цель вторжения федеральных властей в регион, начиная с так называемой “первой гражданской войны”, – подавление военизированных террористических групп чеченского сопротивления, выступивших за отделение Чечни от России, борьба против исламского терроризма в целом. Результат военных действий – огромное число жертв с обеих сторон, включая гражданское население.

После серии бомбежек (и развернутой в связи с этим античеченской кампании в СМИ) федеральное руководство страны начало второе военное вторжение в Чечню. Однако его результаты привели к росту сопротивления “партизанских групп” (т.е. террористических организаций), к более кровавым и массированным террористическим атакам и тяжелым военным потерям в федеральных войсках. Остро стал вопрос политического контроля России над регионом.

Федеральное руководство предприняло меры, чтобы представить конфликт в общественном сознании населения страны и международном сообществе “как конфликт воинствующих исламистов-фундаменталистов” и “бандитов”, не заботясь о фундаментальных мотивациях террористов и не думая о других возможностях борьбы с этим феноменом. В большей степени оно было

озабочено внешней радикализацией чеченского сопротивления и его связями с экстремистскими террористическими группами на Ближнем Востоке [26, с. 167].

По мнению западных исследователей (не обязательно считать их оценки правильными), федеральные власти России смогли установить в мае 2000 г. в Чечне “лояльное правительство” во главе с Ахмадом Кадыровым. Однако в 2004 г. он был убит в результате террористического акта. В результате бывший оппозиционер Рамзан Кадыров получил контроль над республикой и в апреле 2007 г. стал ее президентом.

Федеральным властям в целом удалось стабилизировать положение в Чечне, основном мятежном регионе на Северном Кавказе. Однако террористическая активность, включая СТ, в других регионах продолжает усиливаться, особенно в Дагестане, где ситуация находится на грани гражданской войны [23].

Анализ тенденций развития ситуации на Северном Кавказе позволяет утверждать, что без масштабной национальной и четкой миграционной политики в стране в целом и в регионах, характеризующихся потенциальной террористической активностью, эта политика будет оставаться “догоняющей” без каких-либо стратегических перспектив принципиального решения проблемы СТ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Террористические организации во всем мире продемонстрировали свою эффективность в развитии СТ. Тактика СТ, начиная с Ливана, была адаптирована другими террористическими группами, включая Афганистан, где “камикадзе” повлияли на вывод советских войск из этой страны [32, с. 289]. В разных регионах мира СТ стал широко распространенным явлением. Ирак в этом отношении – наиболее убедительный трагический пример использования тактики СТ не только в противостоянии оккупации США в стране, но и в борьбе между различными этнорелигиозными группами внутри нее (между суннитами и шиитами).

Материальные и финансовые возможности позволяют террористическим организациям рекрутировать в ряды террористов-самоубийц психологически пограничных и религиозно-безграмотных лиц под лозунгом “установления нового мусульманского мирового порядка” (конечно, по идеям экстремистских течений в исламе, не

имеющих никакой связи с догматами традиционного ислама)⁸.

Непропорциональное подавляющее применение силы в борьбе с терроризмом может быть эффективным. Однако в долговременной перспективе использование силы как единственного фактора противостояния терроризму недостаточно для его искоренения. Силовая политика должна сопровождаться глубоким осмыслением того, что идея справедливости взаимоотношений в современном мире, политика воспитания и образования, направленные на мирное сосуществование народов, приоритет международных юридических взаимоотношений между субъектами мирового исторического процесса – это те инструменты, которые необходимо использовать для полного исчезновения терроризма в стратегической перспективе. Для успеха борьбы с терроризмом в целом и СТ в частности международное сотрудничество в противодействии этой “чуме XXI в.” должно быть долговременным и постоянным.

Психологическая мотивация потенциального террориста-смертника строится на духовно-религиозной основе мировоззрения социокультурной религиозной группы, к которой он принадлежит, независимо от степени его религиозной “воцерковленности” и понимания догматов своей религии. Здесь, как представляется, с точки зрения мотивации действует древний в психологическом плане этнопсихологический механизм – принадлежность своей религиозно-культурной этнической группе.

На это психологическое основание (принадлежность к своей этнорелигиозной группе) естественно “накладываются” религиозные догматы веры, которые грамотно “внедряются” в психику потенциального террориста-смертника при его вербовке. При этом, как правило, “эксплуатируется” религиозное невежество потенциального смертника.

Давать рекомендации борьбы с этой чумой XXI в., особенно для правоохранительных структур

⁸Традиционный ислам проповедует мирное сосуществование со всеми народами независимо от их религиозной традиции. Совет муфтиев России неоднократно выступал с заявлениями, осуждающими терроризм и экстремизм как не имеющих никакой опоры в исламе. “В Священном Коране убийство невинного человека по пагубности и степени греховности приравнивается к убийству всего человечества”. Так, реагируя на теракты в московском метро, совершенные 29 марта 2010 г., Верховный муфтий России Талгат Таджуддин заявил, что мусульманские общины Центрального духовного управления мусульман России “гневно клеймят тех, кто решился на эти варварские бесчеловечные преступления”.

тур, – малоперспективное занятие. Конечно, можно рекомендовать им максимально учитывать в вербовочной работе психологию потенциального контингента. Но, как представляется, основные проблемы противодействия терроризму в современном мире, в том числе СТ, лежат в другой плоскости.

С точки зрения психологии, необходимо проведение глубоких психологических исследований, ориентированных на выявление специфики мотивации населения в регионах страны с преимущественно мусульманским населением. Эти исследования должны опираться на концепцию социокультурной идентичности, которая в зависимости от социально-экономических (и религиозных) условий может изменяться и приводить часть населения этих регионов (особенно молодых) к принятию мотивации терроризма, включая СТ (по аналогии с “лестницей терроризма” Мохаддама).

Механизмы воздействия на потенциальных террористов-смертников и их вербовка требуют психологического анализа, в том числе рассмотрения экстремистских интерпретаций положений ислама (ваххабизм и другие экстремистские течения).

Помимо социально-экономических аспектов, необходимо проведение продуманной национально-культурной политики в стране – в сфере образования и воспитания детей, в области глобального культурного межконфессионального диалога и в сфере сотрудничества социокультурных и религиозных групп нашей многонациональной страны [9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ениколопов С.Н.* Терроризм и агрессивное поведение // Национальный психологический журнал. 2006. № 1. С. 28–32.
2. *Луис Б.* Ислам и Запад. Серия “Диалог”. М.: Библийско-богословский институт св. ап. Андрея, 2003.
3. *Марьин М.И., Касперович Ю.Г.* Психологическое обеспечение антитеррористической деятельности. М.: Академия, 2007.
4. Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора / Под ред. проф. М.М. Решетникова. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2004.
5. *Соснин В.А.* Терроризм начала XXI века: проблема интерпретации и источников терроризма (о социально-психологических и идейных истоках современного терроризма). Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа (материалы “круглого стола”) // Вопросы философии. 2005. № 6. С. 3–36.
6. *Соснин В.А., Нестик Т.А.* Современный терроризм: социально-психологический анализ. М.: Институт психологии РАН, 2008.
7. *Соснин В.А.* Психология современного терроризма. Учебное пособие для вузов. М.: Форум, 2010.
8. *Соснин В.А.* Современный терроризм и проблема мотивации террористов-смертников // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 43–50.
9. *Соснин В.А.* Содержание, основные функции и особенности воспитания патриотизма в современных российских условиях // Психология нравственности / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 318–337.
10. *Тхостов А.Ш., Сурнов К.Н.* Мотивация террориста // Национальный психологический журнал. 2007. № 1(2). С. 27–32.
11. *Abadine A.* Poverty, Political Freedom and the Roots of Terrorism. October. 2004. URL: <http://ksshome.harvard/aabadine/povther.pdf>
12. *Abi-Hashem N.* Reflections on international perspectives in psychology // American psychologist. 1997. № 52.
13. *Abi-Hashem N.* Peace and War in the Middle East: A Psychopolitical and Social-cultural Perspective // Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions / Eds. F. Moghaddam and A. Marsella. Washington, DC: American Psychological Association, 2004.
14. *Akbar S.A.* Islam today: A short introduction to the Muslim world. N.Y.: St. Martin's Press, 1999.
15. Al-Quaeda: Creative Recruiting for Suicide Bombers // Stratfor. 2008. May, 5.
16. Al-Quaeda. Killed or Captured. MSNBC. 2008. July, 7. URL: http://mshbc.com/modules/wtc/wtc_global-dragnet/custody_alquaida.htm
17. *Analyzen zum Terrorismus.* Т. 1–4. Dramstadt: Deutscher Verlag, 1981–1984.
18. *Armstrong K.* The battle for God: Fundamentalism. N.Y., 2000.
19. Attack on Terrorism – Inside Al-Quaeda. Financial Times. 2010. No. 30.
20. *Bloom M.* Dying to Kill: The Global Phenomenon of Suicide Terror. N.Y.: Colymbia Yniversity press, 2005.
21. *Bodansky Y.* Bin Laden: The man who declared war on America. N.Y.: Random House/Forum, 2001.
22. *Burgess M.* In the Spotlight: Jaish-e-Mohammed (JEM) Terrorist Project // Center for Defence Information. 2002. April, 8.
23. CBC News In depth: Chechnya // CBC News. 2006. July, 10.
24. *Choueiri Y.V.* Islamic fundamentalism. Boston: Tawayne, 1990.

25. *Cooper J., Nettler R., Mahmoud M. (Eds.). Islam and modernity: Muslim intellectuals respond.* N.Y.: Palgrave, 2000.
26. *Cornell S.E.* The War against Terrorism and the Conflict in Chechnya: A Case for Distinction // *The Fletcher Forum of World Affairs.* 2008. V. 27(2). P. 167–179.
27. *Cote J., Levine C.* Identity, formation, and culture: A social psychological synthesis. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2002.
28. *Courbage Y., Fragues P.* Christians and Jews under Islam. N.Y.: St. Martin's Press, 1998.
29. *Distein Y.* Laws of War. Tel Aviv: Schockon, 1983. P. 14 // *The Law of War.* 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 5–9.
30. *Dwairy M.* Cross-cultural counseling: The Arab-Palestinian case. N.Y.: Haworth Press, 1998.
31. *Esposito J.L. (Ed.).* Political Islam: Revolution, radicalism, or reformation? Boulder, CO: Lynne Rienner, 1997.
32. *Falk O., Morgenshtern H. (Eds.).* Suicide terror: understanding and confronting the threat. NJ: John Wiley Sons, Inc., Hoboken, 2009.
33. *Fukujama F.* The end of History and the last man. London, N.Y. etc., 1992.
34. *Gordon M.R.* Hezbollah Trains Iraqis in Iran. Officials say // *New York Times.* 2008. May, 5.
35. *Guantarente R.* Suicide terrorism: A Global Threat // *Jans.* 2009. Oct., 20.
36. *Halliday F.* Islam and the myth of confrontation: Religion and politics in the Middle East. N.Y.: Tauris, 1996.
37. *Harrington S.P.* The clash of civilizations and the Remaking of World Order. N.Y. etc.: Simon&Schuster, 1996.
38. *Hefner R.W.* Civil Islam. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000.
39. *Holmes G. (Ed.).* The Oxford history of medieval Europe. Oxford, England: Oxford University Press, 1992.
40. *Hourari A.* A history of Arab peoples. N.Y.: Warner Books, 1991.
41. *Hoveyda F.* The broken crescent: The “threat” of militant Islamic fundamentalism. Westport, CT: Praeger, 1998.
42. *Hunter S.T.* The future of Islam and the West: Clash of civilizations or peaceful coexistence? Westport, CT: Praeger, 1998.
43. *Kernberg O.* Borderline Conditions and Pathological Narcissism. N.Y.: Jacob Aronson, 1975.
44. *Laquer W.* The new Terrorism: Fanaticism and the Arms of Mass Destructions. N.Y.: Oxford un. Press, 1999.
45. *Malik H.C.* Between Damascus and Jerusalem: Lebanon and Middle East peace (2nd ed.). Washington, DC: The Washington Institute for Eastern Policy, 2000.
46. *Marsella A.J.* Reflections on international terrorism: issues, concepts, and directions // *Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions / Eds. F. Moghaddam and A. Marsella.* Washington, DC: American Psychological Association, 2004.
47. *McTernan O. (Ed).* The Roots of Terrorism: Contemporary Trends and Traditional Analysis. Brussels: NATO Science Series, 2004.
48. *Mekhennet S. et al.* Ragtag In Surgency Gains Lifeling from Al-Quaeda // *New York Times.* 2008. July, 1.
49. *Medved M.* Can Hollywood change its ugly version of the USA? // *USA Today.* 2002. October, 15.
50. *Moen D.G.* Arming dictators, 1993 // *Center for Defense Information, Japan:* retrieved September 10, 2002. URL: http://rsujiru.net/moen/video_trams/003.html
51. *Mittleman J.* The globalization syndrome: Transformation and resistance. Princeton, NJ: Princeton, University Press, Mittleman, 2000.
52. *Moghaddam F.* Palestinian Suicide Terrorism in the Second *Intifada*: Motivations and Organizational Aspects // *Studies in Conflict and Terrorism.* February/March. 2003. V. 26(2).
53. *Moghaddam F.* Suicide binges in the Israeli-Palestinian Conflict: A Conceptual Framework. Project for the Research of Islamist Movements // *Inter Disciplinary Center, Herzliya, Israel,* 2003.
54. *Moghaddam F.M.* From the terrorists point of view: What They Experience and Why They Come to Destroy. Praeger security international. Westport, Connecticut, London, 2006.
55. *Morgan J.N.* Try little humility [Letter to editor] // *The New York Times.* 2002. January, 21.
56. *Moussalli A.S.* Intriduction to Islamic fundamentalism: Realities, ideologies, and international politics // *Islamic fundamentalism: Myths and realities / Ed. A.S. Moussalli.* Reading, United Kingdom: Ithaca Press, 1998.
57. *Pape R.A.* Dying to Win: The Strategic Logic of Suicide Terrorism. N.Y.: Random House Trade Papebacks, 2005.
58. *Post J.* Terrorist psycho-logic: terrorist behavior as the product of psychological forces // *Origins of Terrorism / Ed. W. Reich.* Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1990. P. 25–40.
59. *Post J.* “Hostilité”, “Conformité”, “Fraternité”: The Group Dynamics of Terrorist Behavior // *International Journal of Croup Psychotherapy.* 1986. V. 36. No. 2. P. 211–224.
60. *Post J.* Notes of Psychodynamic Theory of Terrorist Behavior // *Terrorism.* 1984. V. 7. No. 3. P. 241–256.

61. *Post J.* Narcissism and the Charismatic Leader-Follower Relationship // *Political Psychology*. 1986. V. 7. No. 5. P. 675–688.
62. *Post J.* Terrorist psycho-logic: terrorist behavior as the product of psychological forces // *Origins of Terrorism* / Ed. W. Reich. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1990. P. 25–40.
63. *Post J., Sprinzak E., Denny L.* The Terrorists in Their Own Words: Interviews with 35 Incarcerated Middle Eastern Terrorists // *Terrorism and Political Violence*. 2004. V. 15(1). P. 171–184.
64. *Rothman J.* From confrontation to cooperation: Resolving ethnic and regional conflict. Newbury Park, CA: Sage, 1992.
65. *Schmid A.P. et al.* Political terrorism: A New Guide to Actors. Author Concepts, data Bases, Theories and Literature. N. Brunswick, NJ: Translation Books, 1988.
66. *Schweitzer Y.* Suicide Terrorism: development & Characteristics // *Institute for Counter-Terrorism*. 2000. April, 26.
67. *Schweitzer Y., Ferber S.G.* Al-Qaeda and the Internationalization of Suicide Terrorism // *Memorandum No. 78*. Jaffe Center for Strategic Studies, Tel Aviv University. November, 2005. P. 66–75.
68. *Speckhard A.* Understanding Suicide Terrorism: Countering Human Bombs and Their Senders // *The Atlantic Council*. July, 2005.
69. *Spencer J.* Turkey Offers Reform for Kurdish Minority // *The Christian Science Monitor*. 2008. March, 13. P. 99–107.
70. *Steele J.* U.S. claims right to pre-emptive strikes // *The Guardian Weekly*. 2002. June, 13–19.
71. *Schweitzer Y., Ferber S.G.* Al-Qaeda and the Internalization of Suidice Terrorism // *Memorandum No. 78*. Jaffe Center for Strategic Studies, Tel-Aviv University. November, 2005.
72. *Tamimi A., Esposito J.L.* Islam and secularism in the Middle East. N.Y.: New York University Press, 2000.
73. *The Banality of Evil: Understanding and Defusing Today's Human Bombs*, 2003.
74. *Ucko D.* Suicide Attacks – A Tactical Weapon System // *The International Institute of Strategic Studies*. April, 2002.
75. Undercurrent of hostility toward U.S. in Arab world // *The Seattle Times*. 2002. September, 12.
76. *Vidino L.* The Muslim Brotherhood's Conquest of Europe // *Middle East Quarterly*, Winter, 2005. URL: http://www.meforum.org/article/687#_ftn1
77. *Volkan V.* Bloodlines: From ethnic pride to ethnic terrorism. N.Y.: Farrar, Straus, and Giroux, 1997.
78. *Woodberry J.D.* Reflections of Islamist terrorism // *Fuller Focus*. 2002. V. 10(1). Spring. P. 4–15.
79. *Youssef M.* America, oil and the Islamic mind: The real crisis is the gulf between our ways of thinking. Grand Rapids, MI: Zondervan, 1991.

PSYCHOLOGY OF SUICIDAL TERRORISM IN XXI CENTURY: HISTORICAL PARALLELS AND MODERN GEOPOLITICAL TENDENCIES

V. A. Sosnin

*PhD, assistant professor, senior research fellow, the Establishment
of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

The analysis of terrorism's motivational determinants as a whole and of suicidal terrorism in particular is done. Spiritual-and-religion basis of behavior motivation and relationships between representatives of Christian and Islamic socio cultural societies are considered. The conflict between the Western (individualistic) and the Eastern (traditionally collectivistic) cultures as a possible reason for suicidal terrorism development in the modern geopolitical situation is analyzed. Psychological specificity of terrorism in the modern world is revealed and tendencies of its control in strategic perspective are shown.

Key words: terrorism, suicidal terrorism, social-cultural identity, conflict, cultural archetype, cultural dialogue, opposition.